

Варвары слишком долго томились в осаде под стенами, и теперь, когда им наконец удалось ворваться в Мэнлянь, многотысячная чунцзиньская армия устроила в городе повальные грабежи и резню, безжалостно пуская под нож каждого встречного, будь то мужчина, женщина, старик или дитя.

На вершине крепостной стены генерал Хэ Яньнянь успел собственноручно сразить пять-шесть врагов и опрокинул несколько штурмовых лестниц Чунцзиня. Заметив его, Хуэрцзи взлетел на стену и, бесцеремонно распахивая путавшихся под ногами мелких воинов, метнул два топора прямо в истекавшего кровью воеводу. Хэ Яньняню лишь с огромным трудом удалось пинком опрокинуть наседавшего на него вражеского бойца, как вдруг у самого его затылка со свистом блеснула ледяная сталь. Он поспешно развернулся и взмахнул палашом, отбивая один из топоров Хуэрцзи, однако уклониться от второго уже не успевал. Варвар орудовал обеими руками, и его топоры летели одновременно в верхний и нижний уровни: Хэ Яньнянь отбил удар, метивший в шею, но на второй времени не осталось, и лезвие с тяжёлым хрустом вонзилось ему прямо в голень.

Обуреваемый дикой болью, старый генерал не отступил ни на шаг, даже напротив, он издал яростный клич и ринулся в лобовую атаку на Хуэрцзи.

Вождь варваров знал по-ханьски всего пару слов. Издав громовой рёв «Хо-ро-шо!», он сорвал со спины гигантский боевой секиру-палаш и обрушил на голову бегущего к нему Хэ Яньняня град неистовых ударов.

Хуэрцзи был наделён нечеловеческой силой. Его исполинский топор весил чуть ли не тысячу цзиней, однако в его мощных руках оружие порхало с поразительной лёгкостью и изяществом. Полноценно уверенный в себе варвар раз за разом наносил удары с филигранной точностью в одну и ту же точку, приходя от этого боя в безумный восторг. С каждым новым взмахом секиры его победные кличи становились всё громче и оглушительнее, а сам он наливался всё большей свирепостью. Хэ Яньняню же к тому времени исполнилось уже пятьдесят шесть лет, от каждого лобового столкновения его руки, сжимавшие палаш, едва не разлетались в щепки от жуткой отдачи. Непрестанно отступая под этим натиском, он оказался прижат к самому краю крепостной стены. Хуэрцзи сделал широкий шаг вперёд, намереваясь единым ударом прервать его жизнь, но Хэ Яньнянь был закалённым в боях ветераном: в самый критический миг он извернулся всем телом, уходя с линии удара, и на противоходу полоснул Хуэрцзи клинком по пояснице.

Варвар будто и вовсе не почувствовал боли. Безудержно завертев топором в воздухе, он с размаху обрушил его на каменную кладку стены, и гранитные кирпичи в ту же секунду разлетелись в мелкую крошку.

У Хэ Яньняня внутри всё оборвалось от ужаса: этот боевой топор весил, пожалуй, не меньше сотни цзиней. Хуэрцзи не зря славился как один из лучших воевод Чунцзиня. Его физическая мощь превосходила всё, что генералу доводилось видеть в жизни, и внушала первобытный страх.

Варвар принялся что-то бормотать под нос на чунцзиньском языке:

- Чем дальше ты бьёшься, тем мучительнее будет твоя смерть.

Жаль только, Хэ Яньнянь не понимал этого наречия.

Посреди города бесчисленные толпы мирных жителей и перепуганных солдат, давя друг друга, в панике прорывались к остальным трём воротам в надежде бежать. Войны Юй улепётывали

куда быстрее простого люда, и Чжэнь Вэньцзюнь вместе со сломавшей ногу А-Си оказались зажаты посреди этого безумного, охваченного смертельным ужасом человеческого моря. Ковыляющую А-Си то и дело сбивали с ног, но Вэньцзюнь мёртвой хваткой выдёргивала её наверх за шиворот. Падать на землю в такой момент было равносильно верной смерти. Стоило рухнуть, и многотысячная толпа за спиной просто пойдёт по твоей голове, и в считанные секунды от тебя останется лишь кровавое месиво.

Прямо за беглецами по пятам неслись копыта чунцзиньских коней и дикие, победные вопли неприятеля. Видя, в какой панике и беспамятстве мечутся защитники Юй, варвары запрокидывали головы и иступлённо хохотали.

Эта картина позорного бегства внушала Чжэнь Вэньцзюнь неопикуемый ужас. Всякий раз, оборачиваясь назад, она видела нависающие над головами беглецов мощные конские морды, на которых, подобно злым духам из преисподней, высились рослые чунцзиньцы.

Прямо посреди бушующей метели эти могучие варвары скакали, накинув на плечи лишь звериные шкуры и обнажив до пояса половину тела, а на шеях у них висели странные, жуткие ожерелья. Присмотревшись, Вэньцзюнь похолодела: это были связки отрезанных человеческих ушей. По десять с лишним ушей, нанизанных на прочную нить, красовались у них на груди. Воистину, то были сущие демоны, вырвавшиеся из глубин преисподней.

В каждом движении чунцзиньских воинов перед лицом крови, гор трупов и бьющегося в предсмертных судорогах, беззащитного народа Юй читался лишь азарт охотника, преследующего дичь, и леденящее, абсолютное равнодушие палачей, забивающих скот.

Прежде Чжэнь Вэньцзюнь не раз доводилось слышать о том, насколько страшны и жестоки чунцзиньцы, и что в этих дикарях не осталось ни капли человечности. Но слышать об этом в сытом Жунине было лишь привычной, заурядной фразой, не трогавшей души. И только оказавшись в самом эпицентре этой бойни, только на собственной шкуре прочувствовав, как под их тесаками от страха заходится сердце, можно было до конца понять, что такое истинные «дикие звери», презирающие саму жизнь, и какая бездонная пучина беспросветного отчаяния кроется за словом «ужас».

Железная конница Чунцзиня в пух и прах разнесла и растоптала богатый, цветущий Мэнлян. Император Ли Цзюй бежал из города, растворившись без следа. Из пятидесятитысячного войска Юй более двадцати тысяч ратников были вырезаны прямо на мостовых, и багряная кровь ручьями стекала по ступеням зданий. Половина мирных жителей Мэнльяна успела покинуть город, около десяти тысяч оставшихся были преданы мечу, а двенадцать тысяч уцелевших горожан Хуэрцзи целиком отдал на растерзание своим воинам, позволив солдатам делить и забирать живой товар в рабство строго по табели о боевых заслугах.

Варвары устроили на крепостных стенах грандиозное победное пиршество, пьянствуя и бесчинствуя до самого рассвета. Отрубленную голову наместника Лю Гуаня они превратили в чашу для вина, а с генерала Хэ Яньня заживо содрали кожу, чтобы сшить из неё зимний тулуп для вождя. Мужчин пытали и убивали, женщин насильовали, а дети становились объектами для развлечений. Важнейший стратегический оплот Великой Юй на севере не смог оказать чунцзиньским лавинам ни малейшего сопротивления и с несмываемым, колоссальным позором пал всего за один день. Эта битва навсегда вошла в анналы истории Великой Юй как одна из самых кровопролитных, страшных и унижительных катастроф империи.

Оставшиеся двадцать тысяч воинов и десять тысяч жителей бежали из города, и Чжэнь Вэньцзюнь с А-Си были среди них.

Никто не знал наверняка, висит ли у них на хвосте погоня. Обуреваемая единственной мыслью о спасении жизни, толпа беглецов на бесчисленных развилках дробилась на мелкие отряды, напоминая стада перепуганных овец, что в глухих диких горах потеряли дорогу, спасаясь от стаи голодных волков. В головах этих разбитых солдат и простых горожан царила полная, беспросветная пустота. Не поддерживай их сейчас одна лишь слепая воля к жизни, заставлявшая ноги бежать без удержу, они бы давно уже угодили под подковы преследователей-чунциньцев, и те стёрли бы их в кровавую труху и костяное крошево.

Это стадо ослепших овец несло в каком-то безумном исступлении, люди пихали друг друга, оспаривая дорогу, и в толпе отчётливо и остро разило запахом мочи.

И только когда бежавший в самом авангарде человек внезапно потерял опору, со всего маху полетел кубарем на землю и замертво растянулся на мостовой, охваченный паникой людской поток наконец замедлил свой бег.

Кто-то в толпе истошно завопил:

- Варвары! Варвары догоняют нас, чтобы убить!

Однако у людей, которые уже давно растратили последние крупницы сил и в чьих грудях от бешеного бега полыхал обжигающий пожар, стоило им лишь остановиться, колени подкосились разом. Все они пластом повалились на землю, едва не теряя сознание, и подняться на ноги больше не могли. Первобытный страх перед Ху заставил толпу жалобно и горько разрыдаться, и эти скорбные, заунывные стенания зловецким эхом завывали в тишине горной лощины.

Чжэнь Вэньцзюнь, крепко удерживая А-Си, всё это время безмолвно следовала в самом хвосте отряда, на ходу внимательно подмечая каждую деталь. Всякий раз, натываясь на развилку дорог, она упрямо сворачивала туда, где бежало поменьше народу, где было побольше крепких мужиков и где почти не наблюдалось повозок с армейским провиантом. К этому моменту их крошечный отряд насчитывал всего чуть более пятисот душ.

На всём пути этой безумной скачки люди бежали сломя голову, уставившись в землю перед собой, однако Вэньцзюнь зорко отслеживала обстановку вокруг. Конница Чунцзиня ни за что не стала бы тратить время на преследование этой кучки никчёмных разбитых солдат, варвары в первую очередь рвались перехватить тяжёлые обозы. Именно поэтому Чжэнь Вэньцзюнь с самого начала держалась как можно дальше от телег с зерном. Погони здесь быть не должно, а если враг всё же нагрянет, эти пятьсот добрых молодцев, пожалуй, ещё смогут сойтись с ним в отчаянной предсмертной сече.

Она шагнула вперёд, приблизилась к рухнувшему воину, проверила его дыхание и пощупала пульс. Тот и впрямь был уже мёртв.

- Кончайте выть! Нет никакой погони, этот бедолага просто загнал себя до смерти! Будете и дальше так голосить, точно накличете варваров на свою голову! - Чжэнь Вэньцзюнь сама с малых лет усердно занималась боевыми искусствами, была молода и крепка телом, так что пробежать десяток-другой ли для неё не составляло труда. И пусть в её душе тоже царил смятение, за долгие годы подле Вэй Тинсюй она успела закалить свой разум до такой степени, какая обычно человеку и не снилась. На протяжении всего пути она бережно расходовала силы, а потому сейчас могла двигаться совершенно свободно. И хотя её саму мучила жажда, а в желудке от голода подводило, голос Чжэнь Вэньцзюнь прозвучал стократ зычнее и твёрже, чем у этих распластанных на земле разбитых вояк. Этот её громогласный окрик возымел

действие, и завывавшие в лощине, подобные призрачным стонам рыдания заметно утихли.

Вэньцзюнь взбежала на крупный валун, чтобы каждый из присутствующих мог видеть её:

- Преследователи действительно есть, но все они унеслись на юг перехватывать телеги с армейским провиантом. Сюда, по нашим следам, никто не пошёл, так что можете со спокойной душой перевести дух и отдохнуть.

Мужчина средних лет, тяжело и хрипло дыша, с пунцовым от бешеного бега посреди зимней стужи лицом, сделал шаг вперёд:

- А я вот не посмею здесь задерживаться! Сейчас варвары нас не преследуют, но стоит им перерезать тех, кто отстал в тылу, как они вмиг примутся за нас! Если тебе так помирать охота, то оставайся тут и сгнивай в земле, а людей своими кощунственными речами с толку не сбивай!

Несколько человек из толпы тут же слаженным хором поддакнули ему:

- Всё верно! Люди рассказывают, будто эти Ху - сущие демоны, что питаются человеческой плотью и лакают живую кровь! И волосы у них огненного, красного цвета! Стоит им сцапать человека, как они вмиг высасывают из него всю душу, против таких и воевать-то невозможно!

- Немудрено, что они столь легко и шутя ворвались в наш город!

- Матушка моя, где нам, обычным смертным, тягаться с порождениями преисподней! Бежим скорее! Иначе они нас заживо сожрут!

- Тьфу! - молодой мужчина, который умудрился в этой суматохе не бросить своё длинное копьё, опёрся о древко оружия и с трудом поднялся на ноги, гневно возразив трусам:

- Какие ещё, к чёрту, демоны?! Я самолично разил варваров в бою! Они точь-в-точь как мы с вами, один нос да пара глаз! И если они мнят себя свирепыми хищниками, то я в сто крат свирепее их буду! Эти твари вырезали наших отцов и матерей, обесчестили наших жён и дочерей! Вот только отыщем наши главные полки, и я клянусь, что собственноручно отправлю на тот свет тысячи этих варваров-ху, дабы смыть этот позор кровью!

Присутствующие, разглядывая этого тощего парня, у которого из-под одежды выпирали одни лишь рёбра, и видя, что тот, даже сбежав в глушь, умудряется бросаться столь высокопарными речами, лишь пренебрежительно фыркали:

- Да ведь ты и сам улепётывал оттуда вместе с нами! Раз уж ты у нас такой бесстрашный, чего ж ты не остался в Мэнляне, чтобы сойтись с варварами в смертельной схватке?

Молодой парень густо покраснел, но упрямо выпятил грудь:

- Гусеница пяденица сжимается лишь ради того, чтобы распрямиться и совершить новый шаг, а драконы и змеи уходят в спячку, чтобы сберечь своё тело! Истинный, благородный муж обязан уметь и отступить, и нанести удар! Разве я смог бы разить врагов в будущем, не сбереги я жизнь сейчас?

Тот самый мужчина средних лет, что заговорил первым, по-прежнему с крайним презрением бросил:

- Вот и ступай воюй, если тебе так охота! А нас за собой на верную смерть не тащи!

- Но ведь... за дезертирство полагается смертная казнь на плахе! – едва слышно пробормотал кто-то в толпе.

- Хм, да сам Сын Неба бог весть куда сбежал, с чего бы это им казнить только нас?

Чжэнь Вэньцзюнь указала пальцем на застывшее у их ног тело:

- Если вы продолжите бездумно нестись вперёд, вас ждёт ровно та же участь, вы просто падёте замертво от полного истощения сил. Известно ли вам, куда именно вы добежали? Понимаете ли вы, где находитесь в эту самую минуту? Знаете ли вы, что ждёт вас дальше по дороге? Глубокая пропасть, отвесные скалы или глухой тупик? Варвары - обычные люди, они просто уродились повыше да покрупнее нас с вами, но у них вовсе не по три головы и не по шесть рук, и они точно так же погибают от клинков. Если вы станете слепо бежать и дальше, это будет равносильно тому, что вы просто подставите свои шеи под их тесаки. Но если вы крепко сожмёте в пальцах оружие и сойдётесь с ними в отчаянной схватке, то даже пред смертным часом вы сумеете разорвать их сети!

- Но ведь наше многотысячное войско только что потерпело такое сокрушительное поражение... Какая теперь война? Разве это не верное самоубийство?

Чжэнь Вэньцзюнь незамедлительно парировала:

- А вы наивно полагаете, будто бегство гарантирует вам жизнь? Сколько сил у вас осталось? Как далеко вы сможете уйти? Боюсь, вы не сумеете перевалить даже через этот хребет, а просто покорно умрёте от голода или замёрзнете до единого по дороге. Поглядите на себя: вы мчались изо всех сил, и прямо сейчас большинство из вас не способно даже подняться с земли, верно? Пока вы бежали в панике, внутренний жар помогал вам терпеть леденящую стужу и сырость этих гор, но стоило вам замереть на месте, и вы уже всю ощутили, как мороз пробирает до костей. Стоит нам сейчас развести костры, чтобы согреться, и не пройдёт и часа, как варвары по дыму выследят нас и придут резать.

А без огня вы просто заживо превратитесь в ледышки. Зимней порой все лесные звери в этих краях давно забились в норы на зимовку, весь наш армейский обоз с провиантом полностью захвачен врагом, а посреди лютой зимы в окрестностях Мэнляна вы не найдёте на земле ни единой съедобной травинки. Вы совершенно не знаете этих мест, и чтобы хоть как-то набить пустые желудки, вам придётся грызть древесную кору да копать сухие корни. И если кто-то из вас ненароком сожрёт ядовитый корень, он лишь избавит варваров от лишних хлопот.

Стоило этим словам прозвучать, как на лицах присутствующих проступил явный, глубокий страх. Чжэнь Вэньцзюнь воспользовалась моментом и указала рукой на возвышавшуюся над ними горную вершину:

- Эта гора зовётся Цаньсаньфэн, она служит естественной границей между округами Мэнлян и Гуанъян. Если мы, сжав зубы, сумеем под покровом ночи взобраться на её пик, нам будут не страшны никакие преследователи. Какими бы резвыми ни были боевые скакуны чунцзиньцев, они ни за что не смогут подняться по этим крутым склонам, скованным вечной мерзлотой. Варварам волей-неволей придётся спешиться и карабкаться наверх на собственных двоих. А мы, удерживая эту неприступную горную кручу, сможем обустроить самые простые ловушки и без труда перебить их всех до единого.

Мужчина средних лет недовольно буркнул:

- Ишь, как лихо заливаешь эта девица! Ты ведь даже не числишься в основных полках Великой Юй, всего лишь обычный ополченец из частной гвардии. С какой стати тебе здесь бахвалиться и строить из себя великого воеводу?

Чжэнь Вэньцзюнь ничуть не рассердилась:

- Что ж, считайте, что я, Чжэнь Вэньцзюнь, просто попусту сотрясаю воздух.

Она бросила мимолётный взгляд на темнеющий небосвод, где едва занимались сумерки, и уверенным шагом направилась к подножию Цаньсаньфэн.

- Все свои слова я уже высказала. Те, кто дорожит своей шкурой и желает выжить, ступайте за мной. Те же, кто не верит моим речам, вольны оставаться. А-Си, есть ли на вершинах Цаньсаньфэн хоть какой-то провиант, который можно выкопать из земли?

Ковылявшая следом А-Си поспешно закивала:

- Конечно есть! Сверху-то на песке ничего не видно, но если раздобыть лопату и как следует вскопать промёрзшую почву, можно найти уйму всего! Горные сокровища ценятся на вес золота: за один корешок размером всего с палец торговцы на рынке дают целых два таэля серебра...

Они шли и переговаривались в полном одиночестве, совершенно не обращая внимания на оставшуюся толпу. И в этот миг молодой копеечник, который только что рвался разить врагов, решительно зашагал следом за ними:

- Две почтенные госпожи, подождите меня! Я пойду вместе с вами!

Силуэты троих беглецов становились всё дальше и дальше, пока окончательно не растаяли в наступившей чернильной темноте. Бешеный бег остался позади, весь пот на телах остыл, и замершие на месте пятьсот разбитых воинов, чувствуя, как холод мёртвой хваткой сжимает их конечности, растерянно переглядывались друг с другом.

- И куда нам теперь податься?

- Ты у меня спрашиваешь? А я у кого должен спросить?

- Может, идти дальше прямо?

- А что там, впереди? В эту метель ни черта не разберёшь, где север, где юг...

- Слышь, а как та девица себя назвала? Чжэнь Вэньцзюнь? Неужто она и есть та самая советница при Старшей Принцессе?

- Кто? Советница Старшей Принцессы?

- Ага, мой отец на подворных работах в поместье принцессы прислуживает, дак поминал это имя. Поговаривают, она у Её Высочества в тактиках ходит, знатная особа.

- Да ладно? Девчонка-то?

- Эй, об этом нельзя говорить так небрежно, Старшая Принцесса, вообще-то, тоже женщина...

После этого короткого спора толпа притихла. Несколько человек первыми решительно

зашагали туда, куда ушла Чжэнь Вэньцзюнь. Остальные ещё немного поколебались, но в конце концов тоже потянулись следом.

- Эй! Вы, здоровые мужики, всерьёз собрались тащиться за бабьей юбкой?! Позор-то какой! - во весь голос закричал мужчина средних лет.

Едва его крик затих, как в темноте внезапно раздался протяжный волчий вой.

- Говорят, в окрестностях Мэнляна водятся полярные волки, они как раз охотятся на отбившихся от стада бедолаг, - содрогаясь от холода впотьмах, пролепетал один из воинов. - Эти твари рыщут стаями. Зимой они голодные, а оттого лютые до безумия. Если вцепятся в добычу, костей не соберёшь... Я... я лично не желаю им на зубы попасть. Эй, подождите меня!

Стоило уйти ещё одной кучке людей, как оставшиеся уже не смогли усидеть на месте и дружно решили поддаться общему порыву и лезть на гору.

- Ну и... ну и трусы же вы безвольные! - мужчина средних лет со злостью топнул ногой и поплёлся следом за всеми.

Чжэнь Вэньцзюнь с огромным трудом наскребла немного сухой смолы, чтобы разжечь костёр, и зажгла самодельный факел, чтобы хоть как-то осветить горную тропу. Зимой на севере деревья стоят иссохшими, и смолу на них днём с огнём не сыщешь. Ей пришлось оторвать кусок от подола своего халата и обмотать им ветку наподобие масляного фитиля. Так пламя могло продержаться подольше. Но если идти наобум, этого огня всё равно вряд ли хватило бы до самой вершины.

К счастью, А-Си в тусклых отсветах пламени умудрилась нащупать тропу. Чжэнь Вэньцзюнь и молодой парень поспешили за ней и вскоре выбрались с вязкой, тяжёлой мерзлоты на каменные ступени.

Лестница сплошь покрылась налётом наледи, идти по ней было невероятно скользко, но это была по крайней мере настоящая дорога. Всмотриваясь при свете факела в лицо шагнувшего рядом юноши, Чжэнь Вэньцзюнь ловила себя на мысли, что он кажется ей всё более и более знакомым.

- Госпожа Вэньцзюнь, - заметив её замешательство, первым подал голос латник.

- Ого! А ведь мы и впрямь встречались, - вспомнила Чжэнь Вэньцзюнь. - Ты ведь посыльный из поместья Вэй.

Этим человеком действительно был один из посыльных семьи Вэй, искусный в верховой езде. В последний раз, когда они встречались, он не был таким худым. Если бы не бледная родинка между его бровями, Чжэнь Вэньцзюнь могла бы его не узнать.

Этот парень не то чтобы служил личным вестником у семьи Вэй, он числился среди частных воинов фракции Ли Яньи. В своё время он доставлял тайные послания от принцессы к Вэй Тинсюй. Госпожа тогда приняла его со всем почтением и уважением, что отложилось в памяти Чжэнь Вэньцзюнь, а заодно она запомнила и самого юношу. Тот мастерски держался в седле.

Юноша поведал, что зовут его Цзо Куньда, а второе его имя - Цзиюн. Он приходился дальним родственником покойному шаншулину Цзо Сюю. При упоминании о гибели Цзо Сюя в голосе Цзо Куньда заклокотала яростная злоба, однако он был всего лишь рядовым воином и ничего не мог изменить. И надо же было такому случиться: едва он вызвался идти на передовую,

чтобы разить врагов, как в первом же бою всё закончилось позорным и паническим бегством в тыл. При этих словах Цзо Куньда припомнил, в какое кровавое месиво сейчас, должно быть, обратился Мэнлян, сердце его сжалось от скорби, и он не выдержал, горько разрыдавшись вслух.

- Кончай реветь, от слёз всё равно проку никакого, - холодно отрезала Чжэнь Вэньцзюнь. - Шевелись быстрее к вершине, сейчас главное раздобыть хоть какой-то еды, чтобы набить пустые желудки.

- Мэнлян захвачен, и чунцзиньцы очень скоро двинутся на Жунин. Страна погибнет, дома наши будут разорены, уж лучше сложить здесь голову и умереть за родину!

Чжэнь Вэньцзюнь помнила, с какой беспримерной удалей и лихостью Цзо Куньда прежде держался в седле. Будь на его месте кто-то другой, она бы и слова тратить не стала:

- Если государству и впрямь суждено пасть, то ты волен помирать сколько душе угодно, никто тебя за руки держать не станет. Но сейчас всего лишь пал Мэнлян, до гибели всей страны ещё как до луны, понятно? К тому же, раз уж мы сдали Мэнлян, значит, заберём его обратно, делов-то.

Цзо Куньда в полном изумлении уставился на Чжэнь Вэньцзюнь:

- Заберём обратно? Неужто у тебя есть способ?!

Чжэнь Вэньцзюнь, продолжая факелом прощупывать дорогу впереди, как бы между прочим, словно в шутку, обронила:

- Ну да, есть.

Цзо Куньда и сам был наслышан о Чжэнь Вэньцзюнь: она верно служила Старшей Принцессе и вертелась в самом эпицентре борьбы за власть при дворе, так что девицей она была на редкость смышлёной. Но сколько их было сейчас? А ворвавшаяся в Мэнлян армия Чунцзиня насчитывала не меньше ста тысяч воинов. К тому же Мэнлян отличался высокими стенами и глубокими рвами, и раз уж враг занял крепость, выбить его оттуда было задачей нечеловеческой сложности. И как она только смела бросаться столь дерзкими речами?

Цзо Куньда обуяло дикое любопытство, и он принялся без умолку расспрашивать её обо всех деталях, напрочь позабыв об изнурительной усталости. Пока они карабкались на кручу, Чжэнь Вэньцзюнь в общих чертах изложила ему свой стратегический замысел. Выслушав её до конца, Цзо Куньда с придыханием осведомился:

- Позволь узнать, госпожа Чжэнь, доводилось ли тебе прежде лично водить полки в бой?

Вэньцзюнь качнула головой:

- Всё это лишь тактические игры на бумаге. Я просто позаимствовала крупицы мудрости у древних авторов и использовала опыт знаменитых сражений прошлого.

- Это гениально... Поистине безупречно! - чем дальше Цзо Куньда размышлял над её словами, тем сильнее приходил в восторг.

Однако Чжэнь Вэньцзюнь его пыла не разделяла:

- Вот только людей у нас нет. Каким бы безупречным ни был план в голове, без верных воинов мы ровным счётом ничего не сможем добиться.

- Да как же нет? Есть! - А-Си указала пальцем на идущую следом за ними сотню с небольшим человек.

- Этого мало, чтобы что-то сделать. - Чжэнь Вэньцзюнь была несколько подавлена.

Ей было невыносимо горько от мысли, что её соплеменников в Мэнляне безжалостно вырезали на её глазах, у неё ведь имелся верный способ спасти город, но из-за отсутствия сил ей пришлось бессильно взирать на эту кровавую трагедию.

- И сколько воинов тебе требуется? - Цзо Куньда, который ещё минуту назад собирался покорно лечь в землю за родину, мгновенно воспрянул духом и принялся настойчиво допытываться: - Я могу пойти и разыскать для тебя людей! Из города успело вырваться не меньше двадцати-тридцати тысяч боеспособных мужей, и большинство из них наверняка потянулись по дорогам к уезду Цзисянь, что лежит к юго-западу от Мэнляна.

А ведь он прав, - подумала Чжэнь Вэньцзюнь. Сама она была женщиной, и её речам в суровом мужском строю мало кто поверил бы. А вот Цзо Куньда совсем другое дело. Стоило ему назваться отпрыском благородного дома Цзо, и его слова приобрели бы совершенно иной вес. Но даже если им удастся собрать под своими знамёнами всю эту массу разбитых солдат, вырвать Мэнлян из когтей стотысячной армии Чунцзиня всё равно будет стоить колоссальных трудов. Им потребуются возвести великое множество стенобитных и осадных орудий, а найдутся ли среди беглецов умелые мастера, способные на такую работу, оставалось большим вопросом.

Мэнлян являлся безупречным стратегическим оплотом, удерживая его, можно было в будущем развернуть наступление на Гуанъян, а в случае неудачи отступить под защиту Цяньхай. После нескольких триумфальных побед закрома чунцзинцев ломались от трофейного зерна, и стоило варварам окончательно закрепиться в стенах Мэнляна, как выкурить их оттуда станет неизмеримо труднее.

Сдавать Мэнлян без боя нельзя ни в коем случае.

Сейчас армия Чунцзиня совершила глубокий марш-бросок на огромное расстояние, и затяжные бои, длившиеся три месяца кряду, не утихали ни на миг. Столь стремительное и безостановочное продвижение вглубь страны неизбежно должно было изнурить варваров до крайности. Серия триумфальных побед, безусловно, до небес возвысила боевой дух Чунцзиня, однако она же заставила и без того спесивых дикарей налиться ещё большим высокомерием.

Нанести сокрушительный контрудар именно в тот момент, когда они проявят беспечность и расслабятся, самый идеальный и верный шанс. Чжэнь Вэньцзюнь знала, что победа у неё в кармане, будь под её началом хоть немного воинов.

Будь рядом хоть кто-то, готовый выслушать и принять её слова.

Воины, последовавшие за Чжэнь Вэньцзюнь на гору, благополучно заняли её вершину. Вэньцзюнь разделила людей на два отряда: первую половину она отправила вместе с А-Си прочёсывать склоны в поисках диковинных кореньев, чтобы набить пустые желудки и развести костры для обогрева, а со второй половиной бойцов сама вместе с Цзо Куньда принялась

спешно обустроить оборонительные ловушки.

Работа по возведению капканов была выполнена едва ли наполовину, как вдруг в тусклых отсветах пламени на склоне замелькали чьи-то силуэты. Новобранцы, только что чудом вырвавшиеся живыми из когтей Чунцзинь, от неожиданности перепугались до смерти. Первой мыслью у всех было то, что варвары выследили их и пришли резать.

- Тихо, без паники, - твёрдо осадила их Чжэнь Вэньцзюнь. - Острия всех колючек в капканах густо смазаны усыпляющим снадобьем. Какими бы свирепыми ни были эти варвары, сквозь такой заслон им живыми не прорваться.

Перед самым выступлением из столицы Чжэнь Вэньцзюнь специально разыскала Бу Цзе и подчистую выгрела у него абсолютно все запасы снадобья «Сай Мафэй», прихватив яд с собой на северный фронт. Она изначально знала, что это средство сослужит ей великую службу, и прямо сейчас настал идеальный момент для триумфа «Сай Мафэй»!

Почти сотня рослых, крепких мужиков собрались в плотный комок, содрогаясь от страха перед парой-тройкой мелькавших впотьмах силуэтов. Тем временем загадочных теней на склоне становилось всё больше и больше. Поначалу казалось, будто их около сотни, но вскоре со всех четырёх сторон на вершину высыпало не меньше тысячи безмолвных фигур. В этот миг даже саму Чжэнь Вэньцзюнь прошиб холодный пот: неужели конница варваров и впрямь умудрилась столь молниеносно выследить их лагерь?

Вдруг посреди чернильной темноты кто-то внятно закашлялся и на чистейшем ханьском наречии вполне уверенным, зычным голосом спросил:

- Кто там?!

Услышав родную, знакомую речь, перепуганные до мозга костей воины Юй едва не разрыдались от дикого восторга и наперебой закричали:

- Мы свои! Мы все люди Великой Юй!

Цзо Куньда мгновенно зажал ладонью рот кричавшему бойцу:

- А ну завали пасть! А если это чунцзиньцы пустили в ход коварную уловку, чтобы выманить нас?!

После этого грозного окрика Цзо Куньда никто больше не осмелился издать и звука. Безмолвные тени тем временем стремительно брали их отряд в плотное кольцо окружения, и сердце Чжэнь Вэньцзюнь испуганно забилось у самого горла. Будь это преследователи-чунцзиньцы, при таком подавляющем численном перевесе и с недостроенными ловушками защитники Юй не смогли бы оказать ни малейшего сопротивления и их просто вырезали бы здесь всех до единого.

Из гущи силуэтов вперёд выступил человек. Он отличался сужающейся книзу, поджарой и высокой фигурой, а его длинные волосы были аккуратно убраны под сеточку и намертво зафиксированы на самой макушке. Над его плечом возвышалась рукоять покоившегося за спиной меча. Незнакомец открыл рот и произнёс:

- Факел.

Огонь, передаваемый воинами из рук в руки по цепочке из тыла, мгновенно доставили вперёд и

всунули прямо ей в ладонь.

Это был девичий голос. И Чжэнь Вэньцзюнь уже доводилось слышать его прежде.

Столп яркого света факела крутанулся прямо перед лицами Чжэнь Вэньцзюнь и Цзо Куньда, и от этой внезапной вспышки посреди глухой ночи у них заслезились глаза, так что они на миг ослепли.

- Так это и впрямь ты, - стоявшая напротив особа тоже сразу признала Чжэнь Вэньцзюнь.

Когда глаза мало-помалу притерпелись к свету, Чжэнь Вэньцзюнь вновь разомкнула веки. Перед её взором предстали гордые соболиные линии бровей и глубокий, пронзительный взор Се А-Синь.

Это была она.

Подумать только, эта дева, напрочь наплевав на смертельную опасность, самолично прибыла в это объятые пожарами, гибельное северное пекло.

- Какими судьбами ты оказалась в этих краях? - Се А-Синь не питала ни малейшей симпатии к этой цепной собаке Вэй Тинсюй. Она с подчёркнутым холодом и безучастием обвела факелом стоявших перед ней людей и в ту же секунду всё поняла:

- Вы ведь уцелевшие беглецы, что только что вырвались из павшего Мэнляна, верно?

Чжэнь Вэньцзюнь промолчала, а вот Цзо Куньда ответил за неё встречным вопросом:

- А сама-то ты как здесь очутилась?

- Я? - Се А-Синь хлётко и презрительно усмехнулась, и в её глазах зажглось нерушимое, абсолютное мужество:

- Я Се А-Синь, и я явилась сюда, дабы сокрушить варваров и вернуть Мэнлян обратно!

<http://bllate.org/book/17227/1725317>